

Зинаида Миркина

ЗЕРНО

ПОКОЯ

Избранные стихотворения

В основном

1991 - 1993 гг.

Москва

Агенство "ДОК"

1994

НЕЗРИМОЕ

ПРИСУТСТВИЕ

* * *

Скала крутая посредине вод

С внезапно обрывающимся краем...

Огромный замок над водой встает -

Извечно пуст и вечно обитаем

Незримый шаг впечатался в плато,

Беззвучный голос раздался в просторе,

Огромный замок, где живет Никто,
Тысячелетья висит над морем

И в замке нет ни одного угла,
Откуда бы хоть раз хозяин вышел,
Но если ты застынешь, как скала,
Ты, может быть, увидишь и услышишь.

Всю глубину вдруг обнажит вода,
Замрет последняя земная нота.
И Он войдет, - вот Тот, что есть всегда, -
Никто, который явственней, чем кто-то.

* * *

Присутствие Твое - в за вечеревших скалах...
Присутствие Твое - легчайшее, как дым.
О Господи, прости, я днем не замечала
И вот поражена присутствием Твоим

И никаких чудес, и никаких видений,
Лишь тишина небес и моря разворот.
Но длинные, как жизнь, недвижимые тени,
Вытягивая перст, указывают: вот!

* * *

Последний свет в горах, тишайшее мгновенье,
И сердце подошло к неведомой черте: -
Ты проникаешь в нас, Твое проникновенье
И есть наш тайный смысл, светящий в темноте.

И вся моя душа, как рана ножевая -
Проникновенный свет - пронзивший сердце глаз.
Ты тайны никакой уму не открываешь,
Но тайне бытия Ты открываешь нас.

* * *

Тиха вода
И берег глух.
Приди сюда
Очистить дух.

Тиха вода,
Открыта гладь.
Приди сюда,
Чтоб все отдать

Да будет так:-
Кто вымел сор,
Кто сам иссияк, -
Вместил простор.

Нет ни забот,
Ни пепелищ.
Блажен лишь тот,
Кто духом нищ.

Нет бытия -
Без нищеты.
Зачем мне я,
Когда есть Ты.

* * *

Такая полнота покоя!
Такое равновесье сил...
И тишина была такою,
Что голос Бога доходил

Сквозь опрозраченные скалы,
Сквозь распахнувшийся простор, -
И сердцу истина предстала,
Как глазу очертанья гор.

* * *

Что делает закатный свет?
Он сводит всю меня на нет,
Чтобы потом из ничего
Создать другое существо, -

Другую жизнь, другое "я"
С другою мерой бытия,
И мера неба и морей
В нем станет мерою моей.

И точно море разлито
Мое согласие на "ничто",
Согласие сойти на нет,
Чтобы взошел из сердца свет.

I

Мир начинается с нуля.
Из ничего встает Земля,
И звезд немое волшебство
Рождается из ничего.
Из полной тьмы восходит свет.
Из одного сплошного "нет",
Как океанская вода, разлилось мировое "Да!"
О, тот чреватый миром Ноль,

В котором утихает боль!
Та точка, где весы стоят,
Уравновешивая ад,
Где Дух одолевает вес
Всех гор и всех семи небес.

II

Ноль. Мировая Пустота.
Сквозь тонкость легкого листа,
Сквозь озарившуюся боль
Просвечивает тайный ноль.
Ноль. Не-бо. Небыль -
Ничего.
Растаявшее вещество,
Вконец растроченный запас -
Единое, что живо в нас.
Единый путь, что всем открыт
Единое, что жизнь творит.
Единое, что душит смерть.
Единственная наша твердь.

III

Кто не доходит до нуля,

Од тем колеблется Земля.
Над тем гремит небесный гром -
Тот не становится творцом.

Кто до нуля дойти не смог,
Тому лишь только снится Бог
И глаза Божьего овал
Его пугает, как провал.

* * *

I

То я, то Ты...

То близь, то даль...

Я говорю: "Приблизься, Боже" .

И тихо светится печаль,

И слез унять душа не может.

Ведь разлучиться надо мне
С самой собой, чтоб в час великий
В сквозной последней глубине
Сверкнул всем светом мой Владыка.

Как тесно у меня в груди! -

Душа у собственного края...

Но только Ты не уходи... -

Я потеснюсь... я умираю...

II

А может, смерть и есть любовь,

Не уместившаяся в сердце?

Уже не плоть, уже не кровь,

А жизнь, искупленная смертью.

Сквозная жизнь... Я - тень, я - дым,

Уже никто, мне места нету.

Я стану воздухом твоим.

Я стану духом, стану светом.

* * *

А лес шумел... И бился об меня

Какой-то голос всей ясней, яснее...

К душе безвестной ухо преклоня,

Я шла и шла на единенье с нею.

О, этот шум!.. Как сердце волновал

Его прибой! Он дух мой мерил.

Со дна Вселенной поднимался вал

И ударялся медленно о берег.

И говорил... Так внятно говорил,
Что есть не только берег, но просторы.
И не для ног одних - для наших крыл,
Для душ бессмертных где-то есть опора.

А то, что ускользает из-под ног...
Ну что с того, что это зыбь морская?
Не бойся встать на море, если Бог,
Сам Бог тебя всей далью окликает...

* * *

В иных мирах, в иных просторах,
Где ясно видно, как текут
Года, и слышно, как нескоро
Струятся ручейки минут...

Да, в тех мирах, где время зримо,
Где можно ясно видеть рост
Стволов, как здесь скольжение дыма
И свет повисших в небе звезд...

И слышать.. Но зачем нам слушать
Все то, что за чертой земной?
Затем, что путь в другие души

Проходит через мир иной...

* * *

А правота находится в конце
Пути, где больше места нет обиде,
В том, тайно проступающем лице,
В том Лике, что пока не виден,
Или не узнан.

Так, как по весне
Всю жизнь под снегом тающем найдете,
Так проступает Он на полотне
Земной, промытой небесами плоти.

* * *

Узнать в коряге зверя или птицу,
И там, где перепуталась листва,
Вдруг распознать неведомые лица
И различить беззвучные слова.

Но погоди, торжествовать не надо -
Они опять растаяли во мгле.
Душа ведь также прячется от взгляда,
Как ящерка на треснувшем стволе.

И как звезда, что плещется в колодце
И кажется искринкой ледяной,
Она опять неслышимо смеется
И снова очутилась за спиной.

Опять наплыв лишенных смысла пятен,
Опять в глазах негаснущая грусть.
Язык души все так же непонятен,
Его никто не знает наизусть.

И только ты внезапной мыслью ранен,
Что не рвалась, а ускользнула нить,
Что смерти нет, а есть неузнавание,
И что узнать и значит воскресить.

* * *

Мир сбрасывал цветное платье,
Свет становился тонкой нитью,
И был весь вечер, как объятье.
А ночь - священное соитъе.

С душою обнимался Сущий,
И замирало мирозданье,
И начинался день грядущий
Среди глубокого молчанья.

* * *

И Ночь пришла. И мир затих.
Он снова цельный и невинный.
И вновь раскрыл для нас двоих
Свои бездонные глубины.

Дрожит на стенке тень ветвей,
И нарастает жар сердечный.
Прильнув щекой к груди твоей,
Я погружаюсь в Бесконечность.

ЕЕ пространствами дыша,
Всем сердцем чувствую, всей кожей,
Как расправляется Душа
И что она пройти не может...

* * *

И облака и скаты гор
В огне.
Освобождается простор
Во мне.
Растаял в отсветах зари
След дня. -

Пустыня в далях и внутри

Меня.

Есть только эта тишина,

И путь.

И Бесконечностью полна

Вся грудь.

* * *

Дом молитвы. - Пустынный, затихнувший Храм.

Это место, где Дух прикасается к нам.

Это то средоточье священных пустот,

Где расправленный Дух нас опять создает.

Это место, где можно сотрудничать с ним.

Там, где слово звучит, как торжественный гимн.

Сотворенным словам наступает конец,

Ибо каждое слово - всесильный Творец.

* * *

Наш мир божественно прекрасен,

И завещал ему творец -

Нет, не свободу, а согласие

Всех линий, красок и сердец.

Какая, Господи, свобода?

Ведь за волною вслед волна,

Как раб, не знающий исхода,

Опять бежать обречена.

Какая есть на свете воля,

Когда морской ревущий вал,

Когда бескрайний ветер в поле

Не знает, кто его послал?

Но в совершенстве горный линий

Нам на немых срижалях дан

Несокрушаемой твердыней

Божественно прекрасный план.

И каждый луч, что в тучах брезжит,

Излом горы, - как слом в судьбе,

Неотвратим и неизбежен

И неподвластен сам себе.

И надо нам искать вот эту

Неотвратимость, тот приказ,

Что был на свете раньше света,

Что был нам послан раньше нас.

Есть только лишь одна свобода

Для гор и вод и твари всей -

Закон незримой сверхприроды:

Согласье всех ее частей.

* * *

немая литургия света,
Вечерний благовест миров -
Сквозь небо в грудь заря продета,
Сквозь небо в сердце - Божий зов...

И я совсем не умираю,
А узнаю, что в вышине
Хранится вечно жизнь вторая,
И эта жизнь открыта мне.

Но как же нам под страхом смерти,
Когда на мысль есть полчаса,
Понять, что небо - это сердце,
А сердце - это небеса?..

* * *

Есть мировые зеркала.
В них жизнь как в чашу собрала
Отсутствия...

В них дышит свет

Всех тех, кого как будто нет.

И в них такая полнота
И ясность, как в глазах Христа,
Как в дали цельной и немой,
Свободной от себя самой.

* * *

Бог с нашей болью несоизмерим.
Он - вне игры - без места и без роли.
И потому-то мы внутри храним
Ту Тишину, которой не до боли.

То место пусто... Где-то в глуби глаз
И в облаков рассеянном скольженьи
Есть то, чему все время не до нас...
И это - наша жизнь и воскресенье.

* * *

Вдруг выйти по ту сторону себя
И очутиться на том месте пуге,
Где ангелы, о Боге вострубя,
Нам возвещают полноту отсутствий.

Нет! Нет и нет! И это лишь одно

И надобно сейчас живому Духу -
Простор всецелый, все просквожено
И нет преград для зренья и для слуха.

О дух, познавший вновь, что Он крылат!
Высокий миг единственного счастья:
Отсутствие всех стенок и преград
И встреча с Тем, Кто неделим на части.

* * *

Морская даль сейчас в тумане,
В туман холмы погружены.
Почти не видно очертаний,
И все-таки они видны.

И вот, смягчив края, разрушив
Уверенность и четкость тел,
Туман мне углубляет душу.
О Боже, где ее предел?!

Куда ведут меня туманы?
Что там? Почти что ничего...
Сейчас до дна себя достану,
Коснусь до бога Моего...

* * *

Когда остановится время,
То к сердцу приблизится Тот,
Кто все неподъемное бремя
Как пух на ладони несет.

Забыто земное кочевье,
Душа до предела полна.
И время стоит, как Деревья.
Не движется как Тишина.

И больше от сердца не скроешь
Тот легкий таинственный след -
Присутствие в этом покое
Всех тех, кого якобы нет.

Все тех, что незримо и глухо
Сейчас подступают ко мне. -
Как явно присутствие Духа
В великой, как мир, тишине!

И веют лишь крылья да ветер
Над тяжестью каменных плит.
Во времени Бога не встретишь.
Но вот - когда Время стоит...

* * *

И разрасталась т и ш и н а.
Сперва была размером с крону
Берез, и вот - горе равна
И небу над вечерним склоном.

Так где и в чем ее итог?
В чем тайна света на закате?
И если Слово - это бог,
То т и ш и н а есть богоматерь.

.....

Благословенна т и ш и н а
Высот бледнеющих и ширей.
Ты Бога выносить должна
В моей душе и в этом мире.

* * *

Мы растем из небесного семени
Боже мой, мы растем так давно!..
Но чтоб слышать Течение Времени,
Быть вне времени сердце должно.

Быть вне места... - в сплошном океане я.
Звезды виснут среди "ничего".

Тайный Зодчий сего мироздания

Сам Никто, - не от мира сего.

В пустоте, во вселенской обширности

Он НЕ-мыслим и Не-исследим.

Мир стоит на Его неотмирности,

Дышит мир этот Богом своим.

Быть вне мира, вне рода и племени,

Вне страстей, вне судьбы, вне игры -

Только б слышать течение Времени,

Через грудь пропуская миры.

П Р И П О М И Н А Н И Е

С Е Б Я

I

Пустынна горная дорога,

Прижался свет зари к холму...

И вся Душа - под взглядом Бога:

Душа, представшая Ему.

О Боже, мне щита не надо:

Есть в мире только Ты и я.

И длится эта жизнь под взглядом,

Немая исповедь моя.

II

Исповеданье света.

Духа исповеданье.

Исповеданье неба,

Льющегося внутри.

Сердце горе воздето.

Замер мой ум в молчаньи,

И натекает в душу

Медленный свет зари.

И никакого знака

И никаких знамений

И - никаких друзей, ни братьев,

Требующих примет.

Лишь покоритель мрака,

Жаждающий единенья,

Ждущий весь мир в объятья

И одинокий свет.

* * *

Волна ласкается к волне,

И каждый всплеск нежней и глуше,
И море открывает мне
Мою же собственную душу.

И не во сне, а наяву
Все безоглядней, неизбежней
Я внутрь души своей плыву
От берегов моих в безбрежность.

ТРИПТИХ "БЛУДНЫЙ СЫН"

I

Так ты вернулся... Ты со мной...
Ну что ж, что выплакал глаза я?
То, что болит во тьме грудной,
Не видят - только осязают.

Я осязаю в этот час
Тебя внутри себя. Вот здесь ты.
И жизнь по капле входит в нас,
И сердце, наконец, на месте.

Скажи, так ты сумел узнать,
Что как ни бесконечно много
Мест в мире, но любая пядь
Земля единственна для Бога?

Узнал ли, что душа твоя
В своей свободе несвободна,
Что ты - единственный, а я,
Я без тебя - лишь крик бесплодный?..

II

И был когда-то только крик -
Без затихания, без пауз.
Еще мир этот не возник.
Еще разгул стихии. Хаос.

Сплошная боль, сплошной разрыв,
То опьянение от ненастья,
В котором каждый камень - жив,
А дух живой разъят на части.

И в каждой части бьется он
С самим собою... До начала
Был долгий неумный стон,
А слово... Слово не звучало.

Как в дни распятия. - разрез
Миров. Отец, лишенный сына.
Пока Сын Божий не воскрес,
Миры не могут быть едины.

Расколота на части высь.
Немотствует первооснова.
Покуда мы не собрались,
Есть только крик и нету Слова.

III

Бог этот мир не создает,
А собирает по частицам,
И не неделю и не год
И не века работа длится.

Тот тяжкий кропотливый труд,
Та жизнь незримая, иная,
Где все друг друга узнают -
И сердце сердце вспоминает.

И вспыхивает в тот же миг,
Когда всецелый мир возник
От легкого прикосновенья.

Когда нечаянно нашлась
Та крошка, о котрой плачет
Весь Бог, - затерянная часть
Души, домирная задача.

И вновь придет на Землю Спас

И навсегда уйдет тревога,
Когда наш Бог найдет всех нас
И каждый камень вспомнит Бога.

I

Грех есть не множество любовей, а малость
Одной любви.
Грех - смертная любовь.
Когда любовь безгрешна, то она бессмертна.

II

И есть всего одна на свете тайна -
То чувство безграничности своей,
То чувство неизбежности бессмертья.
Которое ты можешь ощутить,
Как наказание или ликование.
Как ад и рай.
Есть то, что навсегда,
А не на время.
Ни земля, ни глина,
А Дух, в котором смерти нет как нет.
Как ни проси, тебе ее не будет.

Как ни мечтай - здесь места нет мечте.

Здесь - с у щ е е

И ты в его пожаре.

И только лишь безгрешная любовь

Одна спасет тебя.

Ничто другое.

Ах, если б ты успел Ее узнать!..

* * *

Сближение небес с водою,

Сближение души и Бога,

Сближенье торжества с бедою,

Стиранье и разрыв порога.

Стирание и взлом границы,

Все - рана, все насквозь отверсто.

Ушедшие в бездонность лица,

Разверзшаяся бездна сердца...

* * *

В.К.

Я думаю о встрече в небесах -

О встрече в сердце. - Встреча, для которой

Мы жили. Неба царственный размах
И сердца необъятные просторы. -

Одно в другом. Как небеса в воде -
Глаза в глазах. Пустующие залы
Сплошных зеркал. Не спрятаться нигде.
О, только б нас ничто не отвлекало!

О, только не разбить бы тишины,
Не раздробить зеркальности глубинной,
Где мы друг другу навсегда верны
И где никто другого не покинул!..

* * *

Так начинался мир. Вот так
Крест-накрест перечеркнут мрак
Сверкнувшей мыслью Божества.
Натянут луч, как тетива,
И светоносная стрела
На эту тетиву легла.

И - послан свет во все края
Снопом из центра Бытия.

* * *

К картине В. Казьмина "Покровитель"

А чайка набирала силу,

И мир внимающий застыл:

Сквозь все пространство проходило

Двукружье напряженных крыл

Немая воля Дирижера -

Предбытие, предсущество -

Та точка Духа, на котрой

Родится Все из ничего.

Такая неподвижность взгляда,

Такая мощь, такой покой,

Где звезд дрожащих мириады

Текут таинственной рекой.

О, тайна жизни, тайна боли,

В которой исчезает грех!

Весь мир есть силовое поле,

Где каждый атом держит всех.

* * *

Я - царь без царства, Бог - без мирозданья.

Я - вестник, не донесший миру весть.

Я - тяжесть неподъемного страданья,

Я - легкость торжествующего "есмь".

Я есмь и нет. Я - безголосье муки,
Бессветность звезд. Я прорываюсь к вам
И созидаю все цвета и звуки.
Мне нужен мир, и я его создам.

Мне вы нужны. Мне нужно, чтоб вы были.
Но вас ведь нет, и только потому
Клубятся волны этой душной пыли
И вечный свет не пробивает тьму.

Нам не свершиться в мире друг без друга.
Пока мы врозь, все будет так, как встарь:
Земля идет по заданному кругу -
Тела без духа и без царства Царь.

СКРИПИЧНЫЙ КОНЦЕРТ ШНИТКЕ

Как тиixo жаловалась скрипка!
Но только, Господи, кому?
Как утлый челн по глади зыбкой,
Нетвердый голос плыл сквозь тьму.

Он отделился незаметно
От сжатых вместе голосов
И внутрь пустыни безответной
Направил еле слышный зов.

К кому же? О, куда ни кинешь
Взгляд, - все пустынно впереди.
Но слышен каждый звук в пустыне,
Как будто в собственной груди.

Т этот, Господи, и этот,
Который так неслышно рос,
Стал тихим, как звезда, ответом
На гулкий, как простор, вопрос.

ЕЩЕ ШНИТКЕ

И вот ни стало в мире хора.
Согласья нет. Созвучья нет.
Все врозь. Безжизненность простора
И музыки последний след.

Не пение, а вопль разлуки.
Протяжный рвущий душу зов.
И - срыв. Разрозненные звуки,
Как пни исчезнувших лесов.

Был бой. Но кто в нем победитель?
Остался жив один из ста.
О, не считайте! Не глядите! -
Здесь не до зрелищ - нагота!

Здесь не глаза - одни глазницы
Но... Господи, откуда он, -
Тот звук, что ширится и длится,
Тот тонкий, тот хрустальный звон?

И вот - тьма мира раскололась,
Пронзенная одним лучом,
И чистый одинокий голос,
Как глаз звезды повис в ничем.

И в глубине глубин мигая,
Сквозь дали всех пространств и лет
Одной звезде звезда другая
Свой тихий посылает свет.

Вновь мироздание едино
Из хаоса воздвигнут храм:
Глубины предстаю глубинам,
Душа - душе, миры - мирам.

* * *

Вход в тот предел проламывает смерть,
Но там не смерть, а жизнь.

 Не мрак могильный,
А вечный свет.

 И там ты можешь сметь

Все, что захочешь. - Там душа всеильна.

И так тиха! Ей ясно, наконец,
Что жизнь ее укоренилась в бездне,
Что в ней самой находится Творец
Ветров и бурь, столетий и созвездий.

О, этот гром проломленной стены!
Последний отзвук смолк в груди у Бога...
Такая жизнь - привратник у ее чертога.

* * *

Не двигаться... застыть....

Дождь за меня идет...

Жизнь за меня идет, а я еще не знаю,
Что значит этот шаг, что значит этот ход
Через меня насквозь... Что значит жизнь иная?..

Дослушать, доглядеть, додумать, домолчать,
До-быть со дна души ее живую тайну -
Нельзя объять умом, не надо разрывать
На части и края то, что вовек бескрайно.

Бескраен тихий час успенья моего.
Мой неподвижный Дух у себя на тризне.
Он видит, наконец, что смерть есть торжество,
Немое торжество непреходящей жизни.

Он видит, наконец, Он слышит, наконец,
Что Бог у нас внутри, а вовсе не над нами,
Что жизнь и смерть сплелись на глубине сердец,
Где вечность говорит беззвучными громами.

И мертвые живут и действуют в живом.
Наш Бог есть то, за всех сказавшееся Слово.
В нем каждый говорит как колокол, как гром,
И никогда никто не заглушит другого.

И Дух как небеса распахнут над судьбой
И вписывает в жизнь стираемое имя...
И если мертвых я не заглушу собой,
То можно ликовать за них и вместе с ними.

* * *

"Огонь пылает в человеке"

О.М.

Свобода, Господи, свобода!
Бескрайность Духа моего.
Распахнутость немого свода,
И кроме бездны - ничего!

Волна в гудящем океане,

Гром соловьев в лесной глуши.

И ликование, ликование

Освободившейся души!

Весь долг - ни мало и ни много -

Всю ношу, всю любовь свою -

Лицо приблизившему Богу

Я безоглядно отдаю.

Простор распахнутого храма -

Серебряный огонь седин...

Бог дал Исака Аврааму:

Пойми, что сын твой - Божий сын,

Что он не твой... О Боже, Боже,

Какой ценою благодать

Дается!.. неужели сможешь

Дитя единственное взять?!

О, Бог, горящий в человеке!

Огонь, сжигающий меня!

Лишь только отданный на веки

Вернется вечным из огня.

Сумеет впрямь освободиться

Лишь долг отдавшая душа.

И вот - я больше не должница.

За мной сегодня - ни гроша.

Разорван счет, все цифры стерты -

О, этот огненный порыв!

Взять нечего лишь только с мертвых.

А вечный умер или жив?

I

А Бог в этом мире растет.

А Бог в этом мире течет.

А Бог ускользает от глаз,

Как безостановочный час.

Он нам оставляет свой след,

Как тайно мерцающий свет.

И в сердце печатает шаг,

Огнем протупая сквозь мрак.

Но - ни монументов, ни плит!

Наш Бог в этом мире сквозит.

Наш Бог в этом мире всегда

Проходит сквозь мир, как вода

Сквозь сети. - Насквозь и вперед!

Наш Бог в этом мире растет

Сквозь сердце. Завет Его прост;

Не смей останавливать рост!

Не ешь тот неведомый плод,
Что семя тебе принесет
В неведомом. Жив и поднесь
Запрет: остановка - не здесь!

II

Воскреснет! Но не здесь, не здесь!
А там, где соберется весь
Дух и мириады глаз
В едином лике вмиг и враз
Засветятся, как сонмы звезд
В едином небе. - Кончен рост.
Нет времени и нет частей
И ты един с душой своей
Все цело, как немых небес
Всецелый круг. - Воскрес! Воскрес!

III

О, Свет, омытый в море слез!
Воскрес - так значит Он пророс
Во тьме сердечной, как зерно,
Что было внутрь погребено.

Его земля - душа моя.
И в этом тяжесть бытия

И счастье тяжести земной -
Мой Бог, смешавшийся со мной,

Владыка, повелевший мне
Взрастить свой образ в глубине,
Мне завещавший тяжкий труд,
Что вечной радостью зовут.

IV

И как же можно не трудиться,
Когда есть смерть? Когда она
Внутри? Как не растить зерна,
Что прямо в грудь мою ложится?
О, этот труд приятья внутрь
Всего, что есть, всего, что было...
Немое собиранье силы
В ночи и эта легкость утр,
Как бы не знающих о ночи...
Будь вечным и твори, что хочешь!

V

Будь вечным...

Но ведь это значит,
Что высыхает море плача,

Что смерть прошла, закрылась рана -

Осанна, Господи, Осанна!

Я постигаю твой закон:

И Ты и я, и я и он -

Одно. Ведь Ты сращен со всеми,

И непосильной жизни бремя,

Что смертный сам поднять не мог,

Легко несет всецелый Бог

Там, в вечности...

А здесь - работа

Смешение слезы и пота

Кровавого...

Мольба в ночи,

Чтобы прозрели палачи

И вдруг увидели, что плод

Запретный медленно растет

На том же Древе и опять

Бог не велит его срывать.

* * *

Здравствуй, душа моя, здравствуй, огромная

Ширь, усмиряющий страсти покой,

Свет, одолевший вес полчища темные,

Вал бесконечности - берег морской.

Здравствуй, блаженная даль серебристая,

Духа живого бессмертный родник,

Гладь неподвижная, зеркало чистое,
Отобразившее целостный лик!

* * *

Когда душа взывает к Богу,
В простор распахнуто окно.
Нет цели - есть одна дорога
Или - и путь, и цель - одно.

Само великое взыванье
И есть тот сокровенный рост, -
Охваченное расстояние
С земли до самых дальних звезд.

И, точно неба купол цельный,
Как моря грянувший прибой,
Вопрос с ответом нераздельны
И Дух един с самим собой.

* * *

Есть выход внутрь. Но чтоб его найти,
Должны быть перекрыты все пути.
На всем - одна тяжелая печать,
И в пору задохнуться, закричать
Отчаяться - и, отказавшись вдруг

Ото всего, что рядом и вокруг,
Затихнуть, точно одинокий ствол,
Который все искомое нашел.

Ты должен, точно дерево, не мочь
Шагнуть от корня собственного прочь,
Не мочь отпасть от собственных ветвей
И быть могучим немощью своей.

* * *

Самосветящаяся суть,
Самосветящийся простор...
Как будто можно заглянуть
В разверзшиеся недра гор.

А этот бело-голубой,
А этот трепетный туман
Сошел, чтобы прикрыть собой
Сиянье обнаженных ран...

* * *

И я узнала, наконец,
Как создавал меня Творец.
Сперва взяла Его рука
Всего лишь только горсть песка

И к ней прибавила чуть-чуть
Простору, чтобы мочь вздохнуть,
И вскоре весь разлив небес
Вместился в грудь, и целый лес
И гул морской... И все же Он
Был недоволен и смущен...

И вот тогда в избытке сил
Всего себя мне в грудь вложил, -
Всю меру Божеской любви -
И мне сказал: Теперь - живи!

* * *

Пока нас было в мире двое,
Мой Бог и я, - душа с судьбою
Боролась. У небытия
Жизнь отвоевывала я.

Пока нас двое в мире было,
Душа моя теряла силы
И вечно длилась круговерть -
То смерть, то жизнь; то жизнь, то смерть.

Но в миг, когда в одно слились,
Душа и Бог - есть только жизнь.

НЕЗАМЕТНОЕ

ПРОИЗРАСТАНЬЕ

* * *

А дерево рассказывает нам,
Что можно жить, укоренясь глубоко
В себе самом, и медленным потоком
Стремиться ввысь и растекаться там

Небесным сводом. И шуршит над ухом
Листва, что этот свод нам так знаком...
Ведь чаша неба - это море Духа,
Зачавшегося в сердце ручейком...

* * *

размотан дней предвечный свиток
И в мире снова нет греха,
Когда душа моя открыта,
Когда душа моя тиха.

Лес ветром медленным укачан,
И с дальних звезд идет волна,
Когда мой дух совсем прозрачен,
Когда душа растворена.

И нет во мне конца и краю
И хоры ангелов поют,
Когда души не закрываю,
Когда в ней Бог нашел приют.

I

Не спеши говорить... Молчалива река
И у сосен терпенья хватило
Промолчать все года, промолчать все века
И набраться неведомой силы.

Не спеши говорить, и молить не спеши.
Нам ведь надобно всем так немного... -
Если только хватило бы сил у души
Домолчаться до Господа Бога!..

II

Говорить, но с деревьями вместе
И с ручьем, уходящим в овраг.
С отголоском немолкнущей вести,
Что сказаться не может никак.

Говорить, но без связи обратной -
В слух того, кто заведомо нем.
Говорить, но о чем - непонятно,

Говорить неизвестно зачем...

* * *

И почему-то надо мне,
Чтоб день не шел бесследно мимо,
Чтоб он оставил след свой зримый
В моей незримой глубине,

Вот тот таинственный узор. -
Тончайшее изображенье
Неуловимого движенья,
Которым создан наш простор.

Мне надо сердцем обвести
Ту линию, что Бог мой чертит
В своем неведомом пути,
Ведущем всех нас в жизнь из смерти...

* * *

О Боже мой, как высока береза!
Как небо высоко!.. И в вышине
Два облака... А может, эти слезы
Есть Бог, не уместившийся во мне?

Пошедший через край... О Боже, Боже!
Наш плач немой и вечный наш вопрос...
Когда Ты в сердце уместиться сможешь,
Тогда, наверно, и не будет слез...

* * *

Любое слово стало лишним -
Шуршащий дождь. Бесслезный вид,
Все громкое сейчас неслышно,
А все неслышное - звучит.

Так далеко остались крики,
Как будто ты давным-давно
Постиг, что тихий и великий
И в самом деле суть одно.

И этот шелест неустанный,
И этот плеск лесных ветвей
Тебя выводят к океану
Души затихнувшей твоей.

* * *

Что есть, то есть. Сюда не взять запаса.
Здесь не отнимут, но и не начислят.

Молитва - это остановка часа,

Молитва - это остановка мысли.

Распахнутые нищие просторы...

Все отдано и большего не требуй.

Та остановка на Земле, с которой

Деревья путь свой начинают в небо.

I

Труд дерева - незримый труд души,

Труд незаметного произрастанья,

Соединенья, связывания ткани

В тяжелый узел... Полнота вниманья

И не гаданья, не ожиданья,

А только труд, свершаемый в тиши.

Все, что прошло, я собираю вновь

Сейчас и здесь. И это есть любовь,

И нет точней для Господа названья.

II

Любовь не жажда, не порыв, а труд,

Безостановочный, неутомимый,

Где ни мгновенья не проходит мимо,

Где нет пустых, рассеянных минут,

Где каждый миг мир новый создают
Из ничего. Да, все сейчас и снова,
И смертью смерть душа поправить готова.

* * *

Тот, кто смог безмолвно слушать

Старый сад.

Тот почувствует, что души

Говорят.

Это так неспоримо,

Будто вот -

Ароматный запах дыма

В ноздри бьет.

Все, что кто-то нам опишет, -

Отзвук, след.

Это или сам услышишь,

Или нет.

Это - взгляд сквозь все обрывы, -

Ночи, дни...

Наши умершие - живы,

Вот они.

Нет, совсем не перед нами -

Через, сквозь.

Это - прямо в сердце пламя

Занялось.

Это - свет зажегся в ране...

Так, в ночи

Разгорается молчанье

От свечи.

И уже не стало края,

Нету дна.

Но горит и не сгорает

Т и ш и н а.

* * *

Никого... И умолкли споры.

Равновесие тайных гирь.

Одиночество - суть простора.

Одиночество - это ширь.

Это - дали и снова дали,

Распростертых морей стекло,

Неисписанные скрижали,

Ненатруженное крыло.

Это - блюдо с небесным хлебом,

Это - дом, что открыт, как путь.

Это - полное духом небо,

Это полная небом грудь.

Это то, что всегда бескрайно

И - наш край, наша твердь - упор.

Одиночество - это тайна

Созидающего простор.

Вот Того, кто свой крест выносит

И растит эту глубь и глушь.

Одиночество старых сосен...

Одиночество вечных душ...

* * *

Ты не ответил ничего

На ропот сердца моего,

На бунт рассудка и всех сил

Смятение. - Ты просто б ы л.

И лишь спросил, свой взгляд склоня:

- Ты в силах не любить Меня? -

Да, так спросил, склонив свой свет

Мне прямо в грудь. - Нет, Боже, нет!

Не в силах... - Ну, тогда молчи, -
Сказал Ты мне, собрав лучи
В один пучок. - Любовь моя,
Прости, что не смолкаю я.

Прости... Ведь ты заговоришь
Не раньше, чем наступит тишь
Внутри меня... О, как трудна
Для сердца эта тишина!..

* * *

И что-то есть, что не зависит
От точного сплетенья чисел,
От судеб всех переплетенных
И от самих земных законов.

Об этом нам напоминает
Всевластно тишина ночная,
Деревья, полные покоя,
И свет, разлитый над рекою.

И все становится неважно
Вот в этой тишине протяжной,
И открываются в молчаньи
Совсем иные расстоянья,

Где путь до сердца так же длинен,
Как до звезды в ночной пустыне,
И звезды с сердцем воедино
Слились и светятся в глубинах...

* * *

И дождь и ветер за окном,
А в доме - тихо.
Мой теплый, мой уютный дом
Укрыт от лиха.

Как вихрь упорен, как давно
Он бьется в стены!..
А в доме - малое зерно
Большой Вселенной.

Дождь хлещет бурною рекой
Так неумно!..
А сердце чувствует покой,
Как мир - огромный.

Пространство все спростковано
Сплошной тоскою...
А мне поручено одно
Зерно покоя.

* * *

А ведь покой - живой, и он
Движеньем тайным наделен.
Он медленно растет во мне
И близится к той тишине,
Куда свободно входит Бог,
Как в грудь раскрывшуюся вдох.

* * *

Я вспомнила покой утробы,
Я поняла,
Какой покой нам нужен, чтобы
В нас жизнь росла...

Нескоро, Господи, нескоро
Твой зреет плод.
Вот почему так стынут горы
И небосвод.

* * *

Сюда не доносятся стоны.

Здесь тишь и простор неизменны.

От наших забот отрешенный

Включается в мысли Вселенной.

И древний огонь мироздания

Затем лишь еще не потушен,

Что дали обеты молчанья

Высокие, вещие души.

И кто-то следит неустанно

За внутренним тайным гореньем,

И ввысь воздымает осанну,

Как в пламя бросает поленья.

И кровью истекшее сердце

Ликует от мысли блаженной,

Что можно помочь миродержцу

Удерживать тяжесть Вселенной.

Б Е С С О Н Н Ы Й

ДУХ

* * *

А море воет и ревет,
Не умолкая.
Но, Боже мой, какой полет,
Краса какая!
О, до чего ж ты хороша,
Пространств тревога, -
Разворошенная Душа
Морского Бога!
Размах сверкающих зыбей
И тот могучий
Зеленый глаз из-под бровей
Нависшей тучи!
Тот засветившийся агат
В руде железной,
Пронзительный сверкнувший взгляд -
Из бездны в бездну.

* * *

Смысл всей жизни решается только в бою
Сил небесных с природой земною.
Чтоб отдать мне всю мощь и всю вечность свою,
Бог выходит сражаться со мною.
Нет, мой смертный покой Он не хочет беречь -

Жизнь без битвы подобна могиле...

Ты на битву зовешь, Ты приносишь мне меч,

Чтобы сила прибавилась к силе.

И бессильной моей не ответишь мольбе,

Тебе надобен доблестный воин.

А покой оставляешь Ты только себе,

Только в Боге дух будет спокоен.

* * *

А море сверкало, гудело, гремело,

На берег бросалось и камни швыряло.

А может, оно измеряло пределы?

А может, мне душу оно измеряло?

Единый гривастый, блистающий росчерк,

Оскал белозубый стоглазой химеры,

И вот она - мера бесстрашья и мощи,

Дерзання и радости точная мера.

* * *

Чайка, душа моя, чайка!

Кто разбросал эту стайку -

Эти внезапные брызги

Быстро мелькающей жизни?

Как же Ты, Господи Боже,
Всех нас рассеял, размножил,
В этом пространстве открытом
Бросил без всякой защиты?

Только что с нами поделаться?
Нам ведь не надо предела. -
Мы на него не согласны,
Мы всей Вселенной причастны!

Что же еще остается,
Если мы первопроходцы
В бездне? И вестники Духа
Над первозданной разрухой...

Духа - в твердеющей глине,
Духа - в бездушной пустыне, -
Первые искорки-брызги
Смерть прожигающей жизни...

* * *

И дыбом вставшая волна
Снопом лучей просквозена,
И к небу гребень вознесла
Гора зеленого стекла.
Сейчас обрушится, и вдрызг

Разбитые, сто тысяч брызг
Ликуя вознесутся ввысь -
Из праха в дух, из смерти - в жизнь.

* * *

Все море в блеске, в пене, в гуде
И, за волной гоня,
Мне высекает жизнь из груди.
Как искру - кремень из кремня.

У смерти на гремящей тризне -
Огня, воды и Духа сплав.
И что такое правда жизни?
Кто дарит жизнь мне, тот и прав.

* * *

Не засыпай, мой дух, не засыпай,
Ведь смерть не дремлет, пустота не дремлет.
Как только сил своих увидишь край,
Уронишь небо и уронишь землю.

Не спи, мой дух, тебе нельзя заснуть.
Как только остановится усилье,
На небе покачнется Млечный путь,

И горный кряж свои опустит крылья.

Ты- сам себя пьянящее вино.

Ты пишешь сам в себе свои законы.

Не спи, мой дух, ведь смерть и сон - одно.

Бессмертен ты, покуда ты бессонный.

* * *

А сосны шумели,

Раскинув крыла.

Их яркая зелень

На солнце цвела.

И яркость и ярость

И верность весне

Всю душу, как парус

Наполнили мне.

Свобода! Пустыня!

Плыву, наконец,

Внутрь неба, внутрь сини,

Внутрь ваших сердец!

* * *

О, явность ответа,

Пришедшего с гор -
Весеннего света
Громовый напор.

Удел чудотворца,
Закрытый уму:
Сотворчество с солнцем,
Вторжение во тьму...

* * *

Не ветер, о, не ветер мне указ,
А некий ствол, входящий внутрь нас,
Та ось миров, что грудь пересекла,
И развернула два моих крыла.

Ни ветер, ни самум и ни пурга -
Мне не закон: Стихия - мне слуга.
И может Дух, как дикого коня,
Переупрямить бешенство огня.

* * *

Быть Космосом... Ведь это значит
Хранить скрижаль Вселенских норм,
Нося в себе такую качку,
Такой выдерживая шторм!..

Великий хаос в сердце послан,
И в нем захлебываюсь я.
Но я - не хаос, я есмь Космос.
Я - строй и мера б ы т и я.

I

Дух есть Дыханье, есть великий ветер,
И потому в грядущий звездный час
С Творцом миров торжественная встреча
Есть встреча с тем, кто опрокинет нас.

Разбит и наг, отвергнут и изранен,
Пытаясь вал десятый обороть,
Встречался с божьим вестником Израиль,
И через раны Дух вторгался в плоть.

Вторгался внутрь, - не просто веял рядом,
А взламывал нам грудь вот с тех времен
И до олив затихнувшего сада,
Где спали все, пока боролся Он.

Боролся иль молился? Пусть, кто хочет,
Тот различает. - Тот же столп огня.
Молился Богу под покровом ночи
И шел на смерть при наступлении дня.

И знал, что все написанное - стерто,
И вновь готовы белые листы.

К нам красотой приходит весть от мертвых,
И смертью - весть от вечной красоты.

II

Наш смысл находится совсем не в нас.
Вот почему опора мироздания,
Вот Тот, Кого мы называем Спас,
Нас не спасал ни разу от страдания.

Ни нас и ни себя. Кресты, кресты...
Одни кресты посеяны в пустыне.
О Господи, ответь мне, как же Ты
Свое крещение огненное вынес?

Ведь Ты кричал вот также, как и я,
Ведь ты из плоти, а не из камней.
И боль твоя - все та же боль моя...
Но что-то нам твердят о воскресеньи?..

Груз всей земли сложивший на пороге
Чьем воскресеньи? Этот страшный груз, -
Седьмого неба, человек Иисус

Узнал, что смысл Его не в нем, а в Боге.

И если не осталось ни следа

Здесь в равнодушной к нам земной природе,

Наш вечный смысл не делся никуда.

Наш смысл, как свет, из темноты восходит.

Горит и прожигает наш покров,

Растапливая царство ледяное.

Пусть мертвые хоронят мертвецов.

А тот, кто жив, пускай идет за Мною.

III

Христос Воскрес!

Обвал громовый,

Ликующий пасхальный звон!

Жизнь снова в нас, жизнь с нами снова,

Ведь воскресенье - это Он!

Он сам - то золотое пламя,

Тот столп, который тьму прожег.

Не рядом и не перед нами,

А - в нас, затем, что это - Бог.

Приблизившийся лик Господний

И веянье миллиона крыл.

Не человек воскрес сегодня -

Творец творенье посетил.

В земном краю, а не за краем,

Не призрак, не скользкий дым -

Всем сердцем больно осязаем

И всей душою ясно зрим.

Ведь в это самое мгновенье

Разносится благая весть:

Не все есть смерть, не все есть тленье.

Аз есмь, так значит Вечность есть!

Аз есмь и в высоте небесной

И в сердцевине бытия.

Я не сказал, что Я воскресну,

Но - Воскресенье - это Я.

I

Творец лишь только тем творец,

Что он способен двигать скалы,

Не ведая, что есть конец

И начиная все сначала.

Он говорит: да будет свет!

И раздвигает тьму рукою,
И для него препятствий нет,
Как волна моря нет покоя.

О ветер, вторгшийся в сердца,
Чтобы смерть саму убить мгновенно!
Великий непокой Творца -
Основа и покой Вселенной.

II

Вера в творца, а не вера в творенье.
Вера не в камень, а только в движенье.
Вера в творящую тайную силу,
Что перед сердцем все двери раскрыла.
Образ Творца - наша полная мера.
Вера есть творчество. Творчество - вера.

ВЕСЕННИЕ

ЗВ О Н Ы

Почему ликует птица?
Потому что может всласть
Всем пространством насладится,
Кануть вдаль и не пропасть.

Почему душа ликует?
Потому что власть дана
Все, что канет в тьму глухую,
Подымать на свет со дна.

Потому скворцом весенним
И поет, что в ней зажглись
Мощь и чудо воскресенья,
Нескончаемая жизнь.

* * *

Ах, чайка, чайка! Мы забыли,
Как внутрь нырять из жизни внешней.
Единый взмах больших двукрылий -
И вот душа уже безгрешна.

Ее покров белее снега,
Вся бесконечность - ей дорога.
Она живет, ныряя в небо,
Она живет, доверясь Богу.

* * *

О Господи, какое диво -
Прозрачноокая весна!
Колышет кружевами ива,

Всем небом близь просквожена.

Я больше ничего не знаю -

Вот только это - то, что я

Совсем прозрачная, сквозная

Для легкой силы бытия.

* * *

А в избушке лубяной,

Наклонившейся, лесной,

Чуть побольше шалаша, -

Ждет меня моя душа.

Там она совсем одна,

Там она совсем вольна,

Там она самой собою

День и ночь окружена.

Вздогнет ниточка былья,

Капнет капля - это я,

Это я заговорила

В плеске веток и ручья.

Это я - запела птицей

И зажглась лучом в лесу.

Это я тебе напиток

Духа чистого несусь.

* * *

А внизу бежит ручей,
Что-то нам сказать спеша, -
Всех стволов и всех лучей
Говорящая душа.

Так прозрачна, так светла,
Безо всех земных вериг -
Нас к молчанью привела
И не молкнет ни на миг.

* * *

Вечерний храм в богослуженьи строгом
Вздымает ввысь тишайший свой хорал.
А соловей, чтобы восславить Бога,
Всю ширь в чуть видном горлышке собрал.

И, сил своих ничтожных не жалея,
Вместил ее в один бездонный звук.
И плещется, и брызгается ею,
И разливает на сто верст вокруг!

* * *

День прозрачный, лес весенний,

Звон синицы в тишине -

Очищенье, очищенье!

Сердце настезь! Даль - во мне!

Хочешь - облако попробуй!

Пригуби разлитый свет! -

Тают тяжкие сугробы

Придавивших душу бед,

Тают страхи, тают тени -

Широта и взмах крыла!

Очищенье,

От всего, что нажила!

От всего, что накопила,

От всего, что "на века".

Жизнь как птица легкокрыла,

Жизнь проточна, как река.

Нет ни ада и ни рая,

Только путь - пробег, полет!

Все, что живо - умирает,

Все, что умерло - встает!

* * *

Весна прозрачная моя!
Апрель мой неодетый!
Звнящий лепет бытия
И ликование света!

Еще не тронут дней запас
И непочаты шири.
Еще так мало плоти в нас -
И столько Бога в мире!

* * *

Есть всего одна опора -
Твердь небес, пространства гладь.
Мне б наращивать просторы
И в тебя переливать.

Этот трепет, эти почки,
Этих звонов колдовство
Взять и бросить средоточье,
В омут сердца твоего.

Нет, не явно, нет, не сразу, -
Как весна, душа растет
До последнего экстаза...
Миг раскрытия - и вот...

* * *

С каждым часом все дороже,
Каждым мигом все ясней...
Ты расти во мне, мой Боже,
Жизнь и смысл души моей.

Святость той вселенской лени, -
Труд души, работа сна...
Мой родимый, мой младенец,
Мой Господь, моя Весна!

Этот клекот, эти кущи,
Этих почек вороха!..
Ты расти во мне, Грядущий!
Я бездонна. Я тиха.

Вечный дух пугливей серны. -
Он в побеге, он - в пути.
Ты расти во мне, Безмерный.
Воскресение, расти!

* * * * * * *

И в каждой почке Бог таится.
А где-то в ветках у ручья

Кричит неведомая птица

О тайной связи бытия.

Весь день кричит одно и то же,

А звуки как ручей свежи.

- Пойми, кто может! Знай, кто может,

И в узел сердца все свяжи!

И связанный с землей весенней,

С луной и со Вселенной всей,

Поет о вечном единеньи

Души и Бога - соловей.

И звезд поток течет из груди

Чуть видной прямо в грудь мою:

Ну, что ж вы, Люди? Где ж вы, люди?

И для кого же я пою?!

* * *

Свет плыл широкою волной.

Свет был беззвучною лавиной.

Он раздвигал простор земной

И сердца темные глубины.

Он в них входил, как в гулкий зал, -

Всесильный жизнетворный гений.

Он нас сегодня создавал,
Как в самый первый день творенья.

Всю залежь сердца. Как сугроб,
Разгреб, как будто комья с веток
Рассыпал. - Творческий захлеб.
Восторг и ликование света!

О Господи, возьми меня
И переплавь в своем горниле!
Да буду только искрой дня,
Мелькнувшей позолотой крылий!

* * *

Путь Духа - накопленье света.
По капле скапливать... и вдруг
Внутри небес и в сердце где-то
Бутон невидимый набух.

Таинственное набуханье...
Все сердце как весенний сад.
И - ликование, ликование! -
Живого духа аромат!

Перенасыщенность мгновенья -
И - что с тобой, душа моя? -
Бутон раскрылся. Озаренье.

Преображенье бытия!

* * *

Право-славье... Право славить,

Славить правильно Творца.

Только кто промолвить вправе,

Что навек и до конца

Прав? Что, правду Божью зная,

В самом деле служит ей?

Разве иволга лесная,

Разве только соловей...

* * *

О, эти сонмы, сонмы, сонмы

Листов, цветов, хвоинок, крыл -

Неисчислимы и огромны

У Господа запасы сил!

Какая справится разруха

С великим замыслом Его?

Весна - разлив Святого Духа,

Небесных воинств торжество.

* * *

Ах ты, Господи Боже!

Вновь весна на дворе!

Как мне душу тревожит

Птичий гам на зари!

Птичий гам, птичьи трели,

Птичий гром, птичий свист...

Вот и в этом апреле

Вновь проклюнулся лист

И уже торжествует,

Хоть с копеечку сам,

Поднося круговую

Чашу прямо к губам.

И на старости нашей

Все опять как всегда.

Если полная чаша,

То при чем тут года?

Ну а птицы... Ах, птицы, -

Как-то ведомо им,

Что и мертвым не спится,

И не страшно живым...

* * *

О чем же ангелы поют?

О том, что Бог ни там, ни тут,

О том, что в мире ничего

Не может удержать Его.

И тот, кто в Нем, и тот, кто с Нем,

Непобедим, неуловим.

И весел так, как вешний дух,

Как тополиный белый пух,

Как тот новорожденный лист,

Как соловей, что так речист,

Что даже ангелам самим

Непросто состязаться с ним.

* * *

Стоит такая т и ш и н а,

Что, Время, погоди!

Работа господа слышна

В пространстве и в груди.

Еще завернут в почку лист
И не завязан плод,
Еще простор пустынный чист,
Но тайный труд идет.

И кто-то, кто глядит в упор
В глаза мне, в этот час
Засеивает свой простор
И созидает нас.

I

Какой великий мир! Какой во мне большой
Покой...Шуршит листвы кружащаяся сфера.

Душа моя тиха. Мир мерится душой.
Всеполнота души - единственная мера,

Грядущего бессмертия залог.
Мир полон и един. Нет ничего чужого,

И страха больше нет. В сей мир вместился Бог.
Когда душа полна, в ней тяжелеет Слово.

II

От полноты души в сей пробился лист
И лес зашелестел весенней легкой кроной.

От полноты души - внезапный птичий свист
И проблеск золотой в листве густозеленой.

О Боже, как цветы и травы хороши!
Как соловей поет и как смеются дети!

Ты создал мир от полноты Души
И просишь - всей душой на этот мир ответить.

* * *

Радуюсь, Господи, радуюсь
До иступленья, до слез.
Точно небесному саду я
Радуюсь блеску берез.

Радуюсь, радуюсь, Господи!
Мир Твой - распахнутый храм.
Точно брильянтовой россыпи,
Радуюсь свежим листкам.

Птицы, к заутрене кликая,
Плещутся брагой хмельной.
Радость-то, радость великая -
Бог мой сегодня со мной!

* * *

Благоуханье, аромат,
Разлитый дух и выплеск мая
И этот лес и этот сад -
И есть душа моя живая.

Моя молчащая душа,
Моя поющая душа,
Моя раскрытая душа,
Что всех и все в себя вмещает.

Но если хоть кого-нибудь,
Хотя б с других концов Вселенной
Я не впускаю в эту грудь,
Мой рай окончится мгновенно.

* * *

День вымытый, новенький, первый,
Дрожащий от света и слез, -
Пушистые шарики вербы,
Пушистая сетка берез.

Земля уже полураздета,
Снег жухлый набряк и намок.

И вот зарождение лета -

Младенческий нежный пушок...

* * *

Как этот воздух по весне

Блаженно чист!

Бог разрывает сердце мне,

Как почку - лист.

И только тот сегодня жив,

Кто смог опять

Благословить святой разрыв

И смерть принять.

О, не вмещенная в умы

Суть бытия -

Свет разливается из тьмы,

Как Бог из "я"!

* * *

Мой лес весенний. Ранний...

Март в солнце и в снегу.

Как детское касанье,

Улыбка на бегу.

Чуть слышимые звоны
В прозрачной тишине,
И боль и тяжесть тонут
У нежности на дне.

Разрывы голубого
И розовый подсвет...
И ничего другого
Как будто в мире нет:

Ни оголенных нервов,
Ни угасавших глаз.
Все точно так, как в первый,
Как в самый первый раз.

О Боже, неужели
Бессмертно существо?
И Ты на самом деле
Творишь из ничего?!

Последняя забота
Уходит из ума.
И если смертно что-то,
То только смерть сама.

* * *

Когда меня сбивает с ног

Ликующий и грозный Бог,
Когда в себя впускаю я
Девятый вал всебытия,
И входит в сердце вся Весна,
Полным-полна, пьяным-пьяна,
И совершенно все равно,
Где жизнь, где смерть, где верх, где дно, -
Ведь опрокинут свод небес
Вовнутрь, - тогда мой Бог воскрес.

* * *

И хлынет солнце в лица,
И сгинет тень со лба...
Земля освободится
От снежного горба

И в пьяный день весенний,
Откинув тяжкий груз,
Познает воскресенье
На запах и на вкус.

О всемогущий Боже,
Ты воскрешаешь всех!
Душа ведь тоже может
Восстать, откинув грех.

Земных печалей убыль,
Прибытие легких крыл -

Архангельские трубы

Достигли до могил.

О, этот запах вешний,

И этот трубный глас,

Бессмертный и безгрешный -

Позвавший к жизни нас!

В час Божьего призыва,

В день Страшного Суда

Поймем, что все мы живы

И это - навсегда.

* * *

И вновь зеленая вода

Под небом сизым и жемчужным,

И вновь не нужно никуда,

И ничего уже не нужно.

Вот бывает лишь в любви,

Когда потеряна граница,

Когда одна мольба - живи!

И лишь одно стремленье - слиться!

* * *

Вся суть моя,

Вся суть твоя -

Вот эта легкая струя,

Вот этот шум,

Вот этот гул,

Что прямо в сердце нам плеснул.

И только лишь развоплотясь,

Мы вновь отыщем эту связь,

Оборванную в давний миг,

Когда наш плотный мир возник.

Тогда не станет ничего

Ни моего, ни твоего.

Лишь только ты, лишь только я

Да эта чистая струя.

* * *

Нищета моя великая! -

Пуст простор. -

У меня с моим Владыкою

Кончен спор.

Сердца нищего, порожнего

Торжество;

Ничего нет, кроме Божьего.

Все - Его.

ПОД
ВЗГЛЯДОМ
СВЕТА

* * *

Я слышу тишину, как Голос.

Так ясно различаю я -

Граница мира раскололась,

И больше нет небытия.

В осенней золотистой дрожи,

Как в струнах, зазвучала тишь...

О, как Ты светишь, Святый Боже!

И как Ты внятно говоришь!..

* * *

Такая чистота кристалла,

Предел прозрачности земной...

Как будто ничего не стало,

Что было между Мной и Мной.

Как будто мастер наш расчистил

Слои наносные со дна.

Дни облетели. Точно листья,

И вот - душа обнажена.

И верьте вы или не верьте,
Но этот просиявший лес
Раскроет тайное бессмертье,
Даст ощутить его на вес...

* * *

О, вечности предвестье -
Миров нездешних пламя.
Я плачу с лесом вместе
Дрожащими слезами.

Немая темень леса -
В искринках звездной пыли.
Вся смертная завеса
Прострелена навывлет

Земное тело - сито,
Но я небесным стану,
Навылет грудь пробита
И каплет свет из раны.

* * *

А за землю, за тоской,

Как золото в осенней чаще,
Вдруг может проступить покой
Божественный - простор горящий.

Тот, из которого растут
Крыла и очи Серафима,
Та твердь души, тот Абсолют,
Тот абсолютно нерушимый

Столб Бога огненный. В ответ
На муку вспыхивает пламя.
Бог говорит; Да будет Свет!
И - вот Он - в нас и перед нами.

* * *

Струится Золото с небес,
Как будто, бросив трон,
Развоплотившийся Зевес
В сноп света превращен.

Священный дождь стекает вновь,
Свод золотом набух.
Не громовержец, а Любовь.
Не плоть, а легкий Дух.

Свящаяся Благодать,
Ты вновь нашла меня.

И вновь душа должна зачать

От Духа и огня.

И Тот, сроднившийся с лучом,

Тот - воплощенный Свет -

Не плоть... О, плоть здесь ни при чем,

Плоть - это только след...

ДИПТИХ

I

Рябины гроздь уже красна,

И самый воздух плодоносит;

В нем вызревает Тишина.

Так подступает к сердцу осень.

И Бог срывает, не спеша,

Свой плод еще в зеленой кроне,

И затаенная душа

Как бы лежит в Его ладони.

Вот отчего такой покой,

И мы с тобой уже не можем

Ни встать, ни шевельнуть рукой,

А только чуют руку божью

Господни тайные весы.

Как будто мир ни жив, ни умер.
И зреет золото в часы
Немых божественных раздумий.

II

Чуть позже, не сейчас, потом
Заполыхают ветки сада
И лист, слетая за листом,
На землю станет тихо падать.

Душа почувствует ожог -
Пожар осин, пожар березы.
И будет светом плакать Бог,
А мы - ловить Господни слезы.

И омываться в тех слезах,
И становиться на колени
За весь свой шум, за весь свой страх
У Тишины прося прощенья.

* * *

и стало ясно мне сегодня:
Вот так, как облетает лес,

Так сыплются дары Господни
На землю бедную с небес.

Вот так же плавно, невесомо,
Как кружит золото листа,
Летят из дали незнакомой
Любовь, надежда, доброта.

И нашу боль и неудачи
Смывает золотым дождем.
И кто-то в небе тихо плачет,
Что мы его не узнаем.

* * *

нам видно, как листок в полете
Дрожит и кружит не спеша,
И в опрозрачившейся плоти
Горит бессмертная душа.

И так священна, так безгрешна
Земная наша красота -
И ствол над старою скворешней,
И запах пряного листа.

Лес, оголяясь и светлея,
Легко прощается с листвою,
Чтоб смертной тяжестью своею

Не придавить огонь живой.

* * *

Мир есть любовь. Но только в тишине,
Когда склонилось небо к изголовью,
Становится бесспорно ясно мне,
Что мир - любовь, и создан лишь любовью.

И, умываясь в собственной крови,
Я вновь и вновь спрошу, глотая слезы;
Какой еще нам надобно любви,
Когда зажглись осенние березы?

Когда прозрачный лес, как сердце, тих,
Кто спрашивать с творца Вселенной станет?
Каких нам надо доводов? Каких
Еще для Бога надо оправданий?

Он весь в груди. И если вновь и вновь
В нас пишется божественное Слово,
И если ясно нам, что Бог - Любовь,
То мы на жертву новую готовы.

* * *

Вдали стихает шум мирской.

В окошке тихо и глубоко.

И натекает в дом покой,

И натекает небо в око.

И сердце ощущает вновь

Свое незримое богатство;

И натекает в грудь любовь,

И миру есть на чем держаться.

* * *

Не плачь, не бойся и себя не мучь, -

Я обойду все тяжкие законы

И ухвачусь за тот последний луч,

За легкий лист зардевшегося клена.

На них душа останется моя,

Ведь у миров прозрачная граница.

Люби все это так же, как и я,

И мы с тобой не сможем разлучиться.

В О З Д У Ш Н А Я

Т В Е Р Д Ь

Плету узор из дыма я,
Жива едой небесною,
Ловлю неуловимое,
Ваяю бестелесное.

Мир тяжкий - под руинами,
Упали стены душные.
Земные замки сгнули,
Но - легкие, воздушные!..

Я знала в грезе девичьей,
Что обрету искомое,
Лишь выйдя за царевича
С воздушными хоромами.

И вот, пришел мой суженый,
Ко мне явился позванный -
Ни завтрака, ни ужина,
Но, Боже, сколько воздуха!

* * *

"Быть знаменитым некрасиво".
И что за зелье в славе скрыто?
Душа навеки сиротлива
И никогда не знаменита.

Душа, блуждая на свободе,
Все внешние приметы стерла. -
Она из имени выходит,
Как песня звонкая из горла.

Как долгий, тихий звук из флейты,
Тот, что кончается на звездах.
И Бог его не спросит: чей ты?
А внутрь Себя вдохнет, как воздух.

И потеряется граница
Между своими и чужими.
Дух нам дается, чтоб напиться
И, как бокал, отбросить имя.

* * *

Прислушайся... Здесь, в царстве мук
И смерти, рядом с нами
Поэзия за кругом круг
Неслышными шагами,

Невозмутима и легка
В прозрачном хороводе
Через события и века
По воздуху проходит.

И ничего, что рядом мрак,

Что ты навывлет ранен. -

Услышать бы воздушный шаг,

Легчайшее Дыханье!

И проследить, как сквозь слова

Из дыма и из тени

Плетутся тайно кружева,

Не знающие тленья.

Непостижима благодать -

Не камень и не глина,

Надежной твердью может стать

Сквозная паутина.

ТРИПТИХ

I

Вся правота моя лишь в том,

Что я - Твой путь и я - Твой дом,

Твоя опора и броня,

Что есть лишь Ты и нет меня.

Лишь в том вся правота моя,

Что в некий час исчезну я,
И возликую оттого,
Что не осталось ничего,
Что можно взвесить, взять и счесть,
Что нет певца, а только песнь.

И хлынет песнь, как водопад
И не останется преград
На всем пути Твоем. Тогда
Исчезнет боль, пройдет беда,
Не будет криков, слез и ран,
А будет только Океан
Ликующего бытия,
Где я есть ты, а Ты есть я.

II

Чтоб увидеть березу в весенних листках,
Чтоб почуять, как лес просиял и запах,
Чтоб узнать, что за век намолчала сосна,
Я должна умереть, я исчезнуть должна.

Да, исчезнуть совсем и вернуться потом
Переливом цветка, золотистым листом,
Вешней птицей, нырнувшей в пустой небосвод,
Чтоб пропеть вам: увидевший Бога - умрет!

III

А ты не верь мне, если я
Не лист, не воздух, не струя
Прозрачная воды живой,
Не хвойный дух, не шелест хвой.
Ни слову моему не верь,
Покуда я еще не дверь
В тебя и не проем окна,
В который хлынет вся Весна!

* * *

Льет сиянье золотое
Зелень вешняя, сквозная.
Я - не плоть, но только кто я,
До сих пор еще не знаю.

До сих пор мне непонятно,
Что с душой моею станет,
Как найти мне путь обратный
В бесконечное сиянье?

Только если вдруг на хвое
Тыща капель загорится,
Я сольюсь с самой собою

И взликую, точно птица.

Я увижу: путь недолог! -

Путь вовнутрь открылся глазу!

Я - не дробь и не осколок,

Я - все вместе, я - все сразу!

Ликование святое!

Каждый лист в священном раже.

Вам Весна расскажет, кто я,

Синь расскажет, свет расскажет...

* * *

Свободен в мире только тот,

Кто неизменно

Себя на волю отдает

Творцу Вселенной.

Кто сердце настезь растворил,

Раздвинул своды -

Да обретет Податель сил

Во мне - свободу!

В далеком небе - след зари

Нежнее пуха. -

Да будет вольно там, внутри

Святому Духу!

Да будет Он парить в тиши,
Как звезды в сини,
И на все стороны души
Крыла раскинет.

* * *

Назначение души - видеть дальнюю даль.
Ей к созвездьям прислушаться надо.
И должна быть прозрачной земная печаль
И сквозною - горячая радость.

Сквозь миры протянулась тончайшая нить,
И дрожит серебрящийся воздух.
И безгрешен лишь тот, кто сумел не закрыть
Еле видные дальние звезды.

* * *

Сверкают и трепещут листья,
Весь лес черемухой пропах.
О, эти кружевные кисти!
Вся зелень в белых кружевах!

И снова нет для смерти места.
Дух жизни с нею незнаком.
И вновь Земля стоит невестой

Перед незримым Женихом.

И, Господи, что ей за дело

До наших будничных забот?

Вся в легком, в кружевном и белом,

И всех на праздник свой зовет.

* * *

Боже праведный, какая

Радость у истока дня!

Просыпаясь, лес вздыхает

И вдыхает жизнь в меня.

Благовоние потока...

Вижу! Чувствую! - Жива!

И дышаю так глубоко,

Что кружится голова.

* * *

"И двинется Бирнамский лес".

Да как же нам, лишенным зренья,

Увидеть чудо из чудес -

То непостижное движенье,

Что наполняет небосвод,

Одушевляет наши лица? -

Бирнамский лес в с е г д а идет,
Так, как душа моя струится
В твою. Пока порога нет,
Покуда сердце не застыло,
Струится Дух, струится Свет,
Струится Бог по нашим жилам.

О, только не останови!
Не ставь Ему свои условия.
Бог - полнозвучие Любви,
Бог - переполненность Любовью.

* * *

Это вспыхнувшее диво,
Этот просверк благодати -
Это чувство перелива -
Не поймаешь, не ухватишь!

Эта легкость ускользания,
Этот миг исчезновенья, -
Жизнь на грани и за гранью -
Всеохватное горенье.

Это счастье от ожога,
Ликованье от пожара,
Это узнаванье Бога

И ниспосланного Дара.

Это жажда перелиться

В небо - жар самоотдачи -

Кто держал перо Жар-птицы,

Тот поймет, что это значит.

* * *

нет ни ада и ни рая,

Ничего - за нашим краем.

Тихий ангел вечно рядом,

Только мы не замечаем.

Тихий ангел от начала

Смотрит в ясный лик господний.

И небес как не бывало,

Если б он крыла не поднял.

* * *

Свет замирал в свой тайный час.

Да нет, он не потух, -

Он просто на глазах у нас

Преображался в Дух.

Не ослепителен, не жгуч, -
Простясь со всей тщетой,
Луч таял, превращался в луч
В дух света, - Дух Святой...

* * *

Вы ждете, чтоб разверзлись все могилы,
Оделись плотью кости мертвеца,
А яблоня цветы свои раскрыла
И просит раствориться все сердца.

И в мире нету никаких событий,
Но снова живы Авель и Адам.
Вы только сердце настезь растворите,
И станет ясно, что же нужно вам.

* * *

О, шелест той невидимой реки
Часов и дней!.. В чем дней моих задача?
Летят с ветвей на землю лепестки
Потоком слез, и я беззвучно плачу.

Как нежность в сердце, яблоня цветет. -
С небес на землю путь спустился Млечный.
Не нужен мне грядущий сочный плод,
Пусть только нежность длится бесконечно.

* * *

Знаешь, что такое Дерево?

Это - вдруг развеян страх.

Это - я совсем затеряна.

Это я - в других мирах.

Это - ни словечка грузного.

Смысл открыт, глубок и нем.

Это - я еще не узнана

И не названа никем...

* * *

Как же молодость моя

Канет навсегда,

Если вешняя земля

Снова молода?

Как же радость прошлых лет

Не вернется вновь,

Если свеж зеленый цвет,

Как сама любовь?

Можно ль не восстать от сна

Если, что ни год

Нам великая весна

Новый шанс дает?

Т Я Ж Е Л А Я

С В О Б О Д А

I

Вокруг меня кольцуются пространства,

И лес, вершины темные склоня,

И день и ночь с великим постоянством

Живой стеной встает вокруг меня.

Я - центр миров. Но Боже, только если

Удерживаю звезды на весу,

Слежу. Чтоб все умершие воскресли,

И груз Земли как личный скарб несу.

II

Что такое созерцанье?

Приобщенье Мирозданию,

Причащенье тайной силе

Распахнувшихся двукрылий

Золотого небосвода. -
Та тяжелая свобода,
Та ликующая тяжесть,
Что звезду с звездой свяжет.

III

Спаситель - это тяжесть, но не та,
Что давит нас, а та, что мы выносим. -
Тяжелая, как горы, красота
Цветов, лучей и прошумевших сосен...

Она совсем не отдых, на пути,
А ноша, подогнувшая колени.
Как тяжело мир твой, Господи, нести!
Но только в этом - все мое спасенье.

* * *

Береза уходит в простор небосвода
И плещется в небе. Какая свобода!
Огромные крылья Свобода раскрыла,
Но только кому эти крылья по силам?

Тому, кто не просит щита и опоры,

Тому, кто выносит бескрайность простора,
Тому, кто положит все небо на плечи
И выдержать сможет свою бесконечность.

Ни власти, ни стен, ни страстей, ни событий...
На свете свободен один Вседержитель,
Да эта пахуча майская роща.
Что в небе далеком вершины полощет.

* * *

Все, что есть, не канет в нети,
Не уйдет в песок ни дня.
Ах, какие дали ветер
Заметает внутрь меня!
Из каких глухих окраин
В грудь старается принести
Дух - рачительный хозяин -
Все, что было. Все, что есть.

Но у сердца есть пределы -
С каждым часом все старей.
И какое же мне дело
До неведомых морей?
Но пока вся даль прибоя
Не вместится в глубине,
Мне не быть самой собою,
Не видать покоя мне.

* * *

Как река течет в просторе
По извилам, по излогам,
Как река втекает в море,
Так душа втекает в Бога.

Что такое быть счастливым?
Это значит ночь и день я -
По излогам, по извилам -
Нескончаемым теченьем...

Боже, медленность какая!
Все и все сейчас со мною.
Все миры в меня втекают,
Ну, а плыву в иное.

В неохваченное глазом,
В не имеющее края,
Не вмещаемое в разум,
Но - Оно меня вмещает.

* * *

Жизнь - это связь. Мы породнились
Еще в домирной глубине.
И так, как кровь течет по жиле,
Всемирный Дух течет по мне.

И на неведомой скрижали
Есть запись на века вперед:
Пока текут по сердцу дали,
В нем каждый умерший живет.

ДИПТИХ

I

Вот что такое тишина;
Душа в простор погружена.
Душа восстала во весь рост,
И вес миры и сонмы звезд
Сейчас вместились в ней одной.
И это стало т и ш и н о й.

II

Вот что такое смертный грех:
Дух больше не один на всех.
Мир раскололся на куски
И заметался от тоски.

Мы более не зеркала.
Где так таинственно цела
Вся жизнь, и отразиться смог
Всецелый свет - единый Бог.

Не вечность мы, а полчаса.

И вот упали небеса

И ждут того. кто их опять

Сумеет на плечи поднять.

* * *

Ну что же, раз пришло, то заходи -

Огромное, Косматое, Лихое....

Мне надо уместить тебя в груди

Со всем твоим звериным, диким воем,

Чудовищное горе... Время игр

Давно прошло. Померкли небывлицы. -

В мой дом ворвался разъяренный тигр.

И с этим тигром я должна ужиться.

Выталкивать нельзя, иначе съест

И ближнего, и дальнего соседа, -

Всех, кто беспечно лепится окрест

И ничего о нем не хочет ведать.

Не вытолкнуть, но и не продохнуть.

О, если бы судьба сняла излишки!

Что значит: все вмещающая грудь,

Придется мне узнать не понаслышке.

ЖИРОНА

(еврейский квартал)

Дома, не видевшие света,
Дома, погруженные в щели,
Как руки, что к небу воздеты
И Бога коснуться сумели.

Как бледные скорбные лица, -
Те множества, сжатые вкупе,
Что век не устанут молиться
И век от себя не отступят

И Бог не отверг их моления, -
Никто из них Богом не брошен.
Он сам здесь упал на колени,
Споткнувшись под страшною ношей.

И замер, подняться не смея.
Всезрящие очи померкли. -
Ему наступила на шею
Пята торжествующей церкви.

* * *

Покайся, бедный дух, покайся
За страх и опусканье крыл,
За то, что тяжесть жизни райской

На легкость смертную сменил.

За то, что огненную славу

Отдал за этот тусклый час,

И предпочел Христу Варраву

В который раз!.. В который раз

Ты - вечный - отступился робко

От начертаний Божества,

За чечевичную похлебку

Отдав сыновние права.

А Бог... Он был от нас так близко!..

Но выбор дан всего один;

Низины выбирает низкий,

А Бога - только Божий Сын.

И остается покаянье - Т

о болевое торжество,

Когда припавши к одеяню,

Касаюсь Бога моего.

I

Гора сквозь небо выход чертит,

И тяжесть ввысь вознесена,

Есть в камне Бог. Бог дышит в смерти.

Но в Боге - только жизнь одна.

Он потому парит над нами

И воздвигает сей хребет,

Переполняя духом камень,

Что в Нем ни крошки камня нет.

II

Тяжелый вал рокочет глухо.

Стучит в висок тяжелый рок.

Но этот взлет и легкость духа!

Но тяжесть, сжатая в комок...

И остается на века мне

Таинственная благодать:

Вдохнуть свой дух вовнутрь камня,

Но камнем никогда не стать!

III

Эти каменные горы,

Этих склонов крутизна,

Эта поступь Командора

Только Богу не страшна.

Только линии воскресий

Где-то неба посреди,
Только той незримой силе,
Что живет у нас в груди.

* * *

Человек не может ликовать,
Тяжесть на сердце взвалив такую.
Но, взломав надгробье, как печать,
Это Бог внутри него ликует.

Ломкой глины маленький комок,
Сгусток боли, стонущий калека,
Человек не может. - Может Бог,
Поселенный в сердце человека.

* * *

Я творю Красоту, потому что она
Этот мир возвести к горним высям должна.
Так, как Тот, кто разлили в поднебесье зарю,
Светом внутренним свет этот зримый творю.
Как сухие дрова в ароматном костре,
Так сгорает все зло в бесконечной заре.
И когда сквозь все небо заря разлита,
Красота есть любовь, а Любовь - Красота.

В судный час, когда пламя в нас смотрит в упор,
Не мешайте душе восходить на костер,
И бросаться в огонь, и срываться туда,
Где слезинкою Божьей повисла звезда,
Где наш стихший Отец оmyвает в слезах
Нас с тобой, отмывая от вечности - прах.

* * *

Есть грань миров. Она проходит
По горизонту и горам.
Одной чертой на небосводе
Мир разделен на "здесь" и "там".

И там, за просиявшей гранью,
Нет ни начала, ни конца.
Простор великого молчанья -
Священнодействие Творца.

И ты стоишь в оцепененьи
И ясно видишь: отменен
Закон земного тяготенья
И смертной тяжести закон.

Свобода, Господи, свобода!
И Дух могуч и неделим,
И шествует Христос по водам

И нас зовет идти за Ним.

Крыла раскрыв, так учит птица
Птенцов летать. Пускаюсь в путь...
Дай мне, Господь, не усомниться
И помоги не утонуть!

* * *

Под ясно слышный звездный звон
Чеканится строка.
Взлет Духа здесь запечатлен
На долгие века.

Огонь страстей земных потух
В безмолвном царстве скал.
Но камнем стал взлетевший дух,
И Духом камень стал.

И отчертил земной предел
Творец, взмахнув рукой.
Свершилось все, что Он хотел.
И в мир пришел п о к о й.

* * *

Здесь, у воды и вознесенных скал,
Я поняла закон творящей силы;

Ее есть столько, сколько ты собрал,
И Духа столько, сколько грудь вместила.

Мне говорил пустынный небосвод
И пустоту прорезавшая птица,
Что силу нам никто не подает, -
Одна любовь дается без границы.

ТАИНСТВЕННОЕ РАВНОВЕСЬЕ

I

Таинственное равновесье
Меж криком и блаженной песнью,
Между землей и небосводом,
Между неволей и свободой,
Между крылом и тяжелой гирей -
И есть богоявленье в мире,
И есть незыблемое право
На всю незримую державу.

II

О, равновесие над бездной!

Уменье в смерти не исчезнуть,
Умение души не согнуть
В своих разверзшихся глубинах.
Наитруднейшее уменье;
Быть вольным, стоя на коленях.

* * *

Есть звук... Кукушка ль среди сосен,
Иль ветер, тронувший струну...
Тот звук, который нам доносит,
Разносит в мире Тишину.

Тот звук, нечаянный, как случай,
Из ниоткуда в никуда,
Который вводит нас в беззвучье
И исчезает без следа...

* * *

Скажи мне, горная гряда,
В час угасанья дня,
Что будет в мире сем, когда
Не будет в нем меня?

За мыс, за водную черту
Свет уплывает вдаль.
Как нежный ангел, весь в цвету

Трепещущий миндаль.

И в благовонном сем краю

Средь розовых ветвей

Вдруг душу расплескал мою

По миру соловей.

И плещется ему в ответ

Прозрачная струя.

Да ведь меня в сем мире нет?

Но этот мир есть я...

* * *

И золотая лень

Из тростника извлечь богатство целой ноты.

О.М

О, золотая лень, потратить хоть бы миг

На форму и число, на крышу и границу!..

Всем сердцем ощутить, как этот мир велик.

И не хотеть, но мочь от мира отделиться.

О, золотая лень, свобода от забот,

Затихшая душа, раскрывшая объятия.

Та остановка дня, в которую войдет

Бог золотым дождем - и будет миг зачатья.

* * *

И слышно мне, как пролетает муха,
И ясно чувствует душа моя,
Как в этот миг из океана Духа
Родится первый сгусток бытия.

Еще нет слов - один звенящий лепет.
Еще нет глаз - вокруг сплошной туман.
Еще он весь - беспомощность и трепет,
И не обсох на тельце океан.

* * *

Есть час, когда вода застыла,
Движенья нет, -
И видно, как течет по жилам
У мира свет.

Да, ясно видно, как струится
В камнях глухих
Вот то, что озаряет лица,
Слагает стих.

Волна несозданного света -
Там, в глубине,
Та самая, что в мин вот этот

Поет во мне.

* * *

Когда уже не станет в мире слез,
Надолго - навсегда,
И остановится вопрос,
Как в озере вода.

И возвратит немая гладь
Часы, что пронеслись,
И перестанет убегать
От вечной сути мысль, -

Со дна небес, со дна сердец,
Со дна прозрачных вод
Она проступит, наконец,
И, как гора, замрет.

* * *

В той напряженной тишине,
Когда над миром гаснет пламя,
Господь мой действует при мне -
Не втайне. А перед глазами.

И большей тайны в мире нет,
И нет возвышеннее счастья,

Чем этот действующий свет,
Что просит моего участия.

* * *

Бессчетность форм, миров убранство -
Как волны, как морской прибой.
Бог лепит время и пространство,
Наполнив их Самим Собой.

И как ни бесконечно много
Нас всех, земное вещество
Никак не исчерпает Бога
На всю бессчетность - одного.

* * *

Мне не хватило времени на вечность,
Не добралось до круглого числа.
Одной звезды, одной крупинки млечной,
Кусочка света я не добрала.

А добирать так долго... Ох как долго!
Весь квадрильон мгновений впереди,
Покуда слово "Вечность" из осколков
Не сложится внутри моей груди...

* * *

Жить в небе трудно. Свод велик.
И ни сторон, ни перепутий.
Нельзя отвлечься ни на миг
От собственной великой Сути.

* * *

Когда душа равна простору,
А тишь воды - покою скал,
Нет в мире ни вражды, ни спора,
А есть пространство двух зеркал.

Есть удвоенье, есть скрещенье
Подсветов внутренних, и в нем
Внезапно вспыхнет откровенье,
В котором смерть сгорит огнем.

* * *

И час, и два, и три часа
Смотреть в пустые небеса,
На море и гряде холмов,
В туманный скрытую покров,
И чувствовать, как из пустот
Дрожащий образ восстает.

Смотреть и час, и два, и три
И видеть то, что там, внутри...
Ведь прочности земной взамен
Приходит истонченье стен.

И вот уж вовсе нет стены,
И все для всех растворены
Во все концы - все тот же вид,
И в бесконечность вход открыт.

* * *

Когда у меркнущих предгорий
Огни зажглись,
И тихо догорала в море
Господня мысль,
Свет становился легким дымом,
И все ясней
Был смысл неведомый, незримый
Всех наших дней...

* * *

А дождь хотел меня сравнять
С пространством, где морская гладь
И облака за слоем слой

Мерцали, слившись со скалой.

Сравнять с тем царством Тишины,

Где все навеки всем равны.

* * *

Была серебряная млечность.

Пустынно, тускло и светло.

Была живая бесконечность,

А остальное - отошло.

Был только легкий плеск прибоя,

Как позывные тишины.

И наконец-то мы с тобою

Друг другу сделались слышны.

И наконец-то, наконец-то

Сошлись, как небо и вода

Века с веками, старость с детством,

Душа с душой, с звездой звезда.

* * *

Жить без цели и думы.

Слушать волн перебор...

Отрешенность от шума

И включенность в простор.

Жить в неведомом месте
С лебедой у крыльца,
Отрешась от известий
И включившись в сердца.

Укрепить сквозь пустоты
С каждым тайную связь,
Отрешась от заботы
И в молитву включась.

* * *

Как я живу? Никак. Вот так.
Так, как гора и как овраг,
Как заводь, видящая сны,
С душою, полной тишины.

Я так живу, как божество,
Не отделяясь от того,
Что я люблю, что мне дано
От века. - Я и мир - одно.

* * *

А может, Безграничный - это тот,
Кто не нарушит пресвятой границы,
Кто за рубеж себя не перейдет

И вечно внутрь по кругу возвратится.

Тот, кто не прошибает стену лбом,
Не сносит все Господние преграды,
А обживает свой предвечный дом
И знает, что за Дверь ему не надо.

* * *

Вся безграничность, как граница,
Сверкает на земном пути.
Нам до нее нельзя дойти.
Мы можем лишь остановиться,
Чтобы соединиться с ней,
Вдруг выскользнув из круга дней.

* * *

Лишь только плещущий прибой.
Лишь только небо и вода.
И здесь никто и никогда
Не помешает быть собой.

Здесь и во сне и наяву
Одно. - Простор простором полн.
И где ж родиться Божеству,
Как не их этих самых волн?

* * *

Когда мне скажет мой Господь: "Умри!"
Как хорошо бы, с Ним совсем не споря,
Сомкнуть глаза и ощутить внутри
Великое таинственное море.

Уже не надо ни ушей, ни глаз -
Душа полна неведомою силой
И ясно чувствует в свой высший час,
Что Вечность здесь. - Она ее скопила.

* * *

О, сколько надобно часов,
Чтобы вместить покой холмов,
Простор великий стал бы мной,
А я простором!

И тогда

Зелено-синяя вода
Вдруг стала б мыслить, и гора
Узнала б заповедь добра.
И вся стихия, встав от сна,
Была бы преображена.
